

ПИТЕР КРИФТ

Лестница Иакова
Десять шагов к истине

КНИГИ ПИТЕРА КРИФТА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ББИ:

Ангелы и демоны. Что мы действительно знаем о них?

Небеса, по которым мы так тоскуем

Три толкования жизни

PETER KREEFT

JACOB'S LADDER

Ten Steps to Truth

IGNATIUS PRESS SAN FRANCISCO

Питер Крифт

Лестница Иакова

Десять шагов к истине

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.376
УДК 22-97
К 826

Перевод: Елена Смирнова

Верстка: Виктория Старикова

Обложка: Надежда Павлючик

Данный перевод английского издания книги Питера Крифта *Jacob's Ladder. Ten Steps to Truth* публикуется с согласия *Ignatius Press, a division of Guadalupe Associates, Inc., San Francisco*

Крифт Питер

Лестница Иакова. Десять шагов к истине / Пер. с англ. – М.: Издательство ББИ, 2015. – viii + 154 с.

ISBN 978-5-89647-316-9

Почему добропорядочный, умный и логично мыслящий человек в XXI веке должен верить какой-то старомодной христианской догме? Именно в этом вопросе, полагает современный американский богослов Питер Крифт, заключен скрытый смысл истории. Свой ответ на него Крифт предлагает в десяти записанных с вымышленными персонажами диалогах, посвященных десяти самым главным аспектам веры.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ignatius Press, San Francisco, 2013

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие	vii
Диалог первый СТРАСТЬ	1
Диалог второй ИСТИНА	17
Диалог третий СМЫСЛ	26
Диалог четвертый ЛЮБОВЬ	44
Диалог пятый ПРИНЦИПЫ	61
Диалог шестой БОГ	72
Диалог седьмой ИУДЕИ	87
Диалог восьмой ИИСУС	100
Диалог девятый КАТОЛИКИ	112
Диалог десятый АВТОРИТЕТ	133
Послесловие	148
Приложение	151

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часто журналисты просят меня как христианина и автора порядка семидесяти книг высказать «христианскую точку зрения» на те или иные вопросы. Но нет такой вещи, как «христианский взгляд», и вовсе не потому, что христианство слишком мягкая и уступчивая религия, чтобы иметь единую точку зрения, а потому, что она слишком жестка и догматична, чтобы называться «взглядом». В мире есть «мужской взгляд» или «женский взгляд», «консервативный взгляд» или «либеральный взгляд», но нет «христианского взгляда». Христианство — это не «взгляд». Это истина, это факты, это свыше одобренная Богом *данность*.

Почему добропорядочный, умный и логично мыслящий человек в XXI веке вдруг должен верить какой-то старомодной догме (кстати, почему он вообще может поверить, что существует такая вещь, как «догма»)? Вот что я спросил бы на месте журналистов, поскольку именно в этом заключается истинный смысл их вопрошаний. Это скрытый подтекст истории. Данная книга посвящена ответу на этот вопрос.

На самом деле вопросов десять. Порядок их следования подчинен логике, и ответ на каждый из них тоже обусловлен логикой и разумом, а не верой. Эта книга адресована умному и непредвзятому марсианину. Эх, если бы все журналисты из «Нью-Йорк Таймс» были марсианами широких взглядов!

На мой взгляд, лучшая форма ответа на вопросы — это диалог, сравнение двух точек зрения на проблему, поэтому я написал десять диалогов на темы, посвященные десяти самым главным вопросам, которые вы могли бы задать.

А так как диалог — это не просто две «точки зрения» или две философские позиции, но разговор между двумя разными людьми, то я представляю вам здесь не только две философии, а двух людей. Оба — персонажи вымышленные. Они взяты из придуманной мною истории «Океан, полный ангелов» (*An Ocean Full of Angels*, Saint Augustine's Press, 2010). В последний раз, когда я задействовал этих же героев в своей книге «Опровержение морального релятивизма» (*A Refutation of Moral Relativism*), половина читателей сочла, что это реальные люди, а не вымышленные персонажи. Я прошу прощения за то, что ввел своих читателей в заблуждение, и благодарю их за лестный комплимент.

Диалог первый

СТРАСТЬ

Шел 1977 год. Либби Роулс только что уволилась из отдела социального обеспечения, и впервые за всю ее взрослую жизнь у нее до самого конца лета не было иного занятия, кроме как нежиться на пляже. Она улыбалась легким волнам, которые весело набегали на влажный шоколадного цвета песок, с шумом увлекая за собой гальку. Она улыбалась солнцу, глядя, как морская рябь искрится в его лучах. Это был замечательный августовский день на пляже Нахант бич, расположенном к северу от Бостона.

Либби было всего двадцать три года, но она уже успела попробовать себя и в свободной журналистике, и в качестве детектива, не задержавшись надолго ни в одной из этих профессий. Теперь, после того как ей многократно пришлось столкнуться с бюрократией в Массачусетском отделе социального обеспечения, она стала равнодушной и циничной.

Непредсказуемая жизнь частенько сводила ее со странными людьми, и последней из таких людей была «Мама». Либби так и не удалось узнать, как и почему эта женщина получила такое прозвище, но никому и в голову не приходило называть ее как-то иначе. Для Либби она была «вселенской женщиной», и не только потому, что в ней смешалось несколько рас (в ее венах текла еврейская, гавайско-полинезийская и африканская кровь), но и потому, что своими размерами и формой она напоминала ей целую планету. Она походила на лимузин, занимающий два места на парковке. Ее шестифутовая «ходовая часть» точно весила больше семи пудов, но это были мускулы, а не жировые складки. Все

это богатство было скромно укрыто купальником, который, в свою очередь, нескромно пестрел ярко-желтыми, зелеными, красными и голубыми фигурками дятлов-туканов.

Как только Либби пришла на пляж, ее внимание, как луна, тут же было притянута к этому планетарного масштаба телу, которое покоилось на красном покрывале, наброшенном на огромный шезлонг. Пляж, растянувшийся в длину почти на два километра, сегодня был переполнен, и большая толпа с воодушевлением и одобрительными возгласами наблюдала за импровизированным представлением, которое устроили два афроамериканца, «Дылда» и «Коротышка», исполняя самый смешной и забавный атлетический танец из всех, которые Либби когда-либо видела в своей жизни. Дылда был двухметрового роста, худой и жилистый, а Коротышка — вдвое меньше и кругленький, размерами что вдоль, что поперек. Дылда перебрасывал его, как баскетбольный мяч, демонстрируя дриблинг под музыку «Мистер Ли» Спайка Джонса. И весь пляж, в том числе и Мама, от души хохотал и аплодировал им.

Либби восхищенно наблюдала за Дылдой и Коротышкой, чувствуя, как ей не хватало всего этого в течение долгих месяцев! И каково же было ее изумление, когда она увидела, что эти двое, закончив свое представление, вдруг вприпрыжку подбежали к покрывалу Мама. Оказалось, что оба они жили в том же доме, что и Мама, где сдавались комнаты, а также что Дылда был глухим, а Коротышка — слепым. «Он мои глаза, а я — его уши», — сказал Коротышка.

Либби хотелось поближе познакомиться с этими двумя непредсказуемыми созданиями, но сегодня вечером они должны были где-то выступать. Те обрывочные сведения, которые Мама сообщила Либби о себе, о Дылде и Коротышке, а также о других обитателях своего дома в Наханте, лишь разожгли любо-

пытство девушки, и она, не раздумывая, приняла приглашение Мама навестить их «дом» в ближайшее время.

Либби заметила, что Мама читает книгу, в названии которой были слова «католический» и «секс».

— О чем эта книга? — спросила она.

— Ты действительно хочешь это знать или интересуешься просто из вежливости? — резко ответила Мама.

Либби все больше и больше открывала для себя, что эта женщина необычайно прямолинейна, и эта ее манера действовала на собеседника, как прохладный душ (а может быть, вызывала чувство неловкости?).

— Раз вы спрашиваете меня так прямо, я тоже отвечу честно и прямо, — откликнулась Либби. — Я не знаю.

Мама взглянула на нее с улыбкой, в которой читалось удивление.

— Честность. Думаю, это качество мне по душе. Ты мне нравишься, девочка. Я полагаю, тебе известны некоторые правила мышления.

— Что вы подразумеваете под «правилами мышления»?

— Надеюсь, ты знаешь, что не можешь просто так взять и погрузиться во что-то, вроде этой книги, как не можешь нырнуть в море когда тебе вздумается. Сначала нужно кое-что сделать.

— Что же именно?

— Сначала нужно добраться до самого моря. Составить план поездки. Раздобыть денег. Подождать до лета. Одеться соответственно. Сесть в машину. Завести ее. Доехать до пляжа. Припарковаться. Нанести солнцезащитный крем на кожу. Подойти к воде. И только затем ты можешь нырнуть.

— Вы имеете в виду, что для того чтобы понять эту книгу, нужно к этому подготовиться?

— Угу.

— Должно быть, это необычная книга.

— Вовсе нет. Много хороших книг требуют того же самого. Это как лестница. Ты можешь увидеть что-то только с самого верха, но чтобы взобраться туда, нужно преодолеть ступеньки, одну за другой.

— И какова первая ступенька?

— Ты действительно хочешь это узнать?

— Конечно.

— Прямо сейчас?

— Ну да. Почему бы и нет?

— Так это на самом деле не простое проявление вежливости, чтобы поддержать разговор?

— Нет.

— Ну, хорошо, девочка. Ты встанешь на первую ступеньку прямо сейчас.

— Что вы имеете в виду? Какую «первую ступеньку?»

— Есть ли у тебя страсть к познанию? Это и есть первая ступенька.

— *Страсть?* Должна быть именно страсть? А просто *интереса* не достаточно?

— Нет. Кстати, а что такое «интерес»? По-моему, это звучит как эвфемизм выражения «разговор из вежливости».

— Но «страсть», в этом слышится что-то... ну, скажем, фанатичное.

— О! Ты произнесла слово-табу на Ф!

Либби рассмеялась:

— Фундаментализм — вот слово-табу на Ф для меня.

— И эти два понятия означают для тебя практически одно и то же, не так ли?

— Правильно. Но не для вас?

— Ну, то, что начинается на Ф, мне не очень близко. Меня больше привлекает слово, начинающееся на букву С. Страсть. Вот о чем я говорю.

— Страсть? Слышится что-то сексуальное.

— В некотором смысле, да. Но я имею в виду страсть к познанию истины.

— Отлично, хотя это не так захватывающе, как секс.

— Ну, иногда так же. Это может напоминать сексуальное возбуждение, когда истина входит в тело твоего разума.

— «Тело твоего разума»? Но нет ли здесь путаницы в категориях?

— Нет, если мы прислушаемся к нашему языку. Мы используем одно и то же слово, когда подобное происходит как с нашим разумом, так и с телом.

— Вы говорите об «оргазме»?

— Я имела в виду то, что следует из него.

— И что это такое?

— Зачатие*. В физическом теле мы вынашиваем детей, а в разуме — идеи и концепции.

— Хм. Никогда об этом не думала. Так вы говорите, что разум подобен телу, и если тело испытывает страсть, то это свойственно и разуму тоже? И он тоже может рождать своих детей — идеи и концепции, как физическое тело — детей обычных? Хм, а ведь это логично.

— Это действительно логично. Но вопрос в том, относится ли это к тебе лично?

— Что вы имеете в виду?

— Является ли это *твоей* страстью?

— Моей страстью к чему?

— К истине.

— Нет, я не думаю. С какой стати мне испытывать страсть к тому, что дважды два — четыре или к тому, как много ракушек на этом пляже?

— А как насчет более значительных истин?

— Вы имеете в виду то, о чем говорится в этой книге? Бог, религия и все такое?

— Да.

* Имеется в виду английское слово *conception*, которое означает как «зачатие», так и «понятие, идею» или «концепцию». — *Здесь и далее в списках под знаком * даются примечания переводчика.*

— Я не могу назвать себя атеисткой, но я довольно скептически отношусь к организованным религиям.

— Я вовсе не имею в виду «организованные религии», какими бы они ни были.

— Что значит «какими бы они ни были»? Вы что, с Луны свалились, Мама? Или Марса? О чем вы толкуете?

— Я говорю о том, что все религии, которые я видела на этой планете, выглядят, скорее, как *неорганизованные*. Под страстью к познанию истины я понимаю не только религию, однако речь не идет и о таких тривиальных истинах, как дважды два четыре. Я имею в виду жизнь и смерть. — Мама открыла свою пляжную сумку и достала оттуда другую книгу. — *Вот* что я подразумеваю, говоря о страсти к познанию истины. Сделай мне одолжение, прочти всего лишь вот эту страницу. Просто доставь мне такое удовольствие, хорошо? Потому что я думаю, это твое.

Либби взглянула на название книги и увидела, что это *Pensées* Паскаля.

— Но почему? Куда вы собираетесь увлечь меня этой книгой? О чем она? И почему меня должно волновать все это?

— Нет, то, что тебя должно волновать, — это вовсе не содержание этой книги, а *твое* собственное содержание. Слово *pensées* означает «мысли». И эта книга о путешествии мысли, и я полагаю, что ты уже находишься в пути, что ты уже сделала первый шаг: у тебя появилась страсть к познанию. Именно об этом и говорится в отрывке, который я предлагаю тебе прочесть, а значит, ты должна узнать в нем себя.

Либби скептически относилась к словам Мама, но все же была заинтригована. А та пояснила:

— Автор говорит о тайне смерти, о том, что никто не знает, что произойдет с ним после того, как он умрет, но нам следует по крайней мере *беспокоиться* об этом, даже если ничего *неизвестно* точно.

Либби прочитала указанный фрагмент, в котором Паскаль рассуждает о следующем:

Вопрос о бессмертии души так бесконечно важен, так глубоко нас затрагивает, что быть безразличным к его решению — значит вообще утратить всякое живое чувство. Наши дела и поступки должны целиком зависеть от того, есть ли у нас надежда на вечное блаженство или ее нет, и любой шаг только тогда станет осмысленным и разумным, когда мы наконец уясним себе то, что просто не может не быть главным содержанием нашей жизни.

(...) Вот почему, сталкиваясь с людьми, не решившими этой задачи, я так различно отношусь к тем, кто без устали старается обрести истину, и к тем, кто беззаботно существует, ни над чем не ломая себе голову.

Я не могу не испытывать сочувствия к людям, которые искренно стенают под бременем сомнения, считают его великим несчастьем, самозабвенно стремятся рассеять и видят в поисках правильного решения важнейшее, главенствующее дело своей жизни.

Но ко всем, кто живет, не думая о неизбежном конце земной своей жизни, и только потому, что в них самих нет светочей веры, которые озаряли бы путь к истине, вообще пренебрегают поисками этих светочей и не пытаются добросовестно исследовать, на чем все-таки зиждется народная вера — только ли на слепом легковерии или есть у нее пусть и сокрытое от глаз, но прочное, неколебимое основание, — так вот, к подобным людям я отношусь совершенно иначе.

Пренебрежение тем, что прямо затрагивает их самих — вопросом о вечной жизни, о самом главном для человека, — рождает во мне гнев, а не сострадание, полнит изумлением и ужасом; для меня подобные люди — чудовища! Я говорю это отнюдь не из благочестивого пыла возвышенной набожности. Напротив того, по моему убеждению, такие чувства возникают под воздействием самолюбия, с одной стороны, и человеколюбия — с другой, — это должно быть ясно всякому, видящему то, что видят самые непросвещенные люди.

Вовсе не нужно быть особенно возвышенным душой для понимания того, что нет для нас в этом мире полного и долговременного довольства, что наши радости — суета сует, а несчастье безмерно и, наконец, что смерть, ежеминутно грозящая нам, неминуемо и очень скоро обречет нас предначертанному несказанно жестокому уделу: либо навеки обратиться в ничто, либо терпеть вековые муки.

На свете нет ничего и неизбежнее, и страшнее подобного удела. Как бы мы ни храбрились, вот он, конец, венчающий самую распрекрасную жизнь. (...)

Разумеется, человек, которого снедают сомнения, глубоко несчастен, но искать на них ответ — наш долг, притом долг неукоснительный, поэтому всякий, кто сомневается, но отказывается искать, не только бесконечно несчастен, но и бесконечно неправеден; ну, а если он вдобавок спокоен и самодоволен, громогласно твердит об этом, Даже радуется, даже хвалится, — для столь извращенного существа у меня просто нет названия.

Где почерпнул он подобные чувства? Можно ли радоваться тому, что впереди — одни лишь безысходные муки? Тщеславиться тем, что вокруг — непроницаемый мрак? И как подобные рассуждения могут прийти в голову человеку, наделенному разумом?

Я не знаю, кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам (...). Я вижу сомкнувшиеся вокруг меня наводящие ужас пространства Вселенной, понимаю, что заключен в каком-то глухом закоулке этих необозримых пространств, но не могу уразуметь, ни почему нахожусь именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, ни почему столько-то, а не столько-то быстротекущих лет дано мне жить в вечности, что предшествовала моему появлению на свет и будет длиться, когда меня не станет. Куда ни взгляну, я вижу только бесконечность, я заключен в ней, подобно атому, подобно тени, которой суждено через мгновение безвозвратно исчезнуть: Твердо знаю я лишь одно — что очень скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима.

«И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду, знаю только, что за пределами земной жизни меня

ждет либо вековечное небытие, либо длань разгневанного Господа, но какому из этих уделов я обречен, мне никогда не узнать. Таково мое положение в мироздании, столь же неопределенное, сколь неустойчивое. И вот мой вывод: ни в коем случае не следует убивать время на попытки разгадать уготованный людям жребий. Может быть, я и рассеял бы хоть отчасти свои сомнения, но не желаю тратить на это силы, шага лишнего не сделаю, чтобы найти ответ; обливая презрением людей, которые бьются над разгадкой, (...) я хочу безбоязненно, очертя голову идти навстречу великому событию, безвольно устремляться к смерти в полном неведении грядущего своего вековечного удела».

Кто пожелает быть на дружеской ноге с человеком, способным так рассуждать? Изберет его в наперсники, расскажет ему о своих делах, изольет все горести? И вообще, в каких жизненных обстоятельствах может быть потребен такой человек?

Право же, христианскому вероучению идет лишь во славу вражда столь безрассудных людей¹.

Либби закончила читать и отложила книгу. Маме было интересно, что означало выражение ее лица: Озадаченность? Мечтательность? Скуку? Смущение? Уныние? Просто задумчивость?

— Ну как?

— Сильно сказано, — признала Либби. — Но меня это не переубедило.

— Автор и не пытается этого сделать. Он просто старается пробудить в тебе чувство *тревоги*.

— Эй, но я пришла на пляж вовсе не для того, чтобы тревожиться!

— Это *ты* так думаешь. Но уверена ли ты в том, что Судьба не привела тебя сюда именно за этим?

— Чтобы испытать беспокойство?

— Вот именно. Ты думаешь, все это *происходит* просто так? Думаешь, в мире существует много

¹Блез Паскаль, *Мысли*. Фрагмент 335, М.: «Profil-book», 1994.

пляжей, где можно встретить женщину с книгой Паскаля в сумке?

— Вы совершенно правы.

— Как и Паскаль, я надеюсь.

— И вы говорите, он не пытается переубедить меня. Не так ли?

— Именно. Он всего лишь старается сделать так, чтобы ты обеспокоилась. Чтобы ты сделала этот первый шаг и ступила на эту лестницу. Чтобы ты *была восприимчивой*.

— Вы имеете в виду — религиозной.

— Нет, именно восприимчивой, а следовательно, страстной. Ведь «ничто великое в мире не совершается без страсти».

— Я знаю эту цитату! Это из *Философии истории* Гегеля.

— Ого! Из тысячи человек вряд ли найдется хотя бы один, кто знаком с этой книгой. Ты, должно быть, поверила этим словам, раз запомнила их. Тем более что это Гегель, а не кто-то еще.

— Но я вовсе не поклонница Гегеля. Я даже не читала его, я просто знаю это его высказывание.

— Тебе повезло.

— Он оптимист космического масштаба, в отличие от меня. Я слишком часто испытывала удары судьбы в своей жизни, чтобы действительно верить этому.

— Ну, так злись на свою жизнь, если ты должна! Ненавидь ее, если не можешь любить. Но будь страстной. Как тебе известно, ненависть ближе к любви, чем равнодушие. Ты можешь одновременно любить и ненавидеть одного и того же человека, и я полагаю, то же самое относится и к жизни.

— Я знаю об этом, я работала психологом. Но я вовсе не питаю любви к религии.

— Отлично, ненавидь и религию, если не можешь любить ее. Только не относись к ней свысока, не воспринимай ее как красивую историю о Санта Клаусе, который утешает взрослых детей и заставляет их быть хорошими.

— Честно говоря, я подозреваю, что в большинстве случаев это *так и есть*. Интересно, может быть, религия действительно всего лишь самая знаменитая волшебная сказка в мире?

— Ну, тогда сомневайся, если тебе хочется, или даже будь атеисткой, но честной и страстной. Если ты и в правду думаешь, что религия — это только волшебная сказка, тогда проявляй свою позицию. Но не смотри снисходительно ни на нее, ни на людей, которые верят. Разбуди их, если ты считаешь, что это лишь сон.

— Быть может, все мы лишь пробуждаемся, переходя от одного сна к другому. Откуда мне знать, что жизнь — это не один длинный сон?

— Потому что ты можешь действовать. Ты можешь влиять на свою жизнь. У тебя есть выбор. А во сне ты не можешь делать ничего, кроме как спать.

— Иногда лучше уж видеть сон, чем просыпаться. Бывает так, что реальность бьет нас, правда причиняет нам боль, и пробуждение тоже доставляет страдания.

— Каким образом?

— Иногда это разоблачает тебя. Выявляет твою темную сторону. Вот почему Ницше ненавидел правду. Вы знаете, однажды он написал: «Мы хотим истины, — отчего же лучше не лжи?»

— Но у Ницше хотя бы была страсть, пусть и темная. Он дошел до того, что стал гордиться своим отчаянием.

— Однако он предпочел правде ложь.

— Ты права, но по крайней мере у него была страсть.

— Он был почти нацистом.

— Но не был популярным психологом.

— Он ненавидел истину.

— Но не относился к ней свысока.

— Он хотел уничтожить истину. Уничтожить Бога. Он говорил: мы убили Бога, потому что Бог был истиной, потому что Бог избличил его темную сторону. Бог стал его *жертвой*.

— Да, и он воздал честь своей жертве тем, что ему было не все равно, жив Бог или нет. Это больше, чем делают некоторые благочестивые христиане.

— О, но действительно ли истина — это то, что мне необходимо в первую очередь?

— Нет, я думаю, что прежде всего нужна *страсть* к истине. Потому что если ты не одержима этой страстью, если тебе все равно, если ты не стремишься узнать истину, то ты никогда ее не найдешь.

— Так значит, даже Ницше знал, что важнее всего и какая ступенька является первой.

— Да, это так.

— Даже если он хотел уничтожить истину.

— Да. Лучше быть тем, кто убивает истину, чем тем, кто относится к ней свысока. Лучше бороться против света, если не можешь воевать против тьмы: по крайней мере, ты сражаешься. Но смотри. Сражайся за не-правое дело, если ты не можешь бороться на стороне истины, но никогда не стой в стороне. В твоих венах должна течь кровь, а не теплая водичка.

— Знаете, вы не похожи на большинство верующих.

— Наверное, ты не читала ни Паскаля, ни Достоевского, ни *Исповедь* Августина.

— Не читала. Но почему вы считаете, что я должна их прочитать?

— Потому что их книги взволнуют и подтолкнут тебя.

— К религии?

— Не обязательно. Может быть, пробудят в тебе зависть.

— Зависть?

— Зависть к их страсти и стыд за то, что у тебя ее нет. Я думаю, именно так происходит с большинством людей, читавших их.

— Но Августин был известным повесой в западном мире, ведь так?

— У него было две великих страсти: секс и истина, жар и свет. Он был страстным мужчиной.

— Но оставил секс ради Бога, верно?

— Однако всегда оставался страстным человеком. Средневековые скульпторы всегда изображали его с книгой в одной руке и с горящим сердцем — в другой.

— Итак, вы ставите Августина и Ницше рядом, потому что у них обоих была страсть. Какая необычная команда! Так можно дойти и до того, что мы поставим на одну доску Иисуса и Гитлера?

— Конечно! Как Гитлеру удалось завоевать Германию? Каким образом он почти покорил весь мир? Благодаря страсти. Благодаря шагу номер один. Но он не сделал второго шага. Видишь, одна лишь страсть — это слепая сила. Это как огонь без света. Он только разжигает то, чего касается, *что бы это ни было*: добро или зло, истина или ложь, доброжелательность или себялюбие, любовь или сладострастие. Вот почему опасно останавливаться, сделав первый шаг. Но только представь, что мог бы совершить святой Гитлер, если бы он пошел вперед и вложил всю свою страсть в любовь, а не в ненависть.

— Прекрасный сюжет для фантастического романа! Только представьте себе... Да...

— И только представь, что произошло бы, если бы вся страсть вождения была направлена на любовь, а вся энергия самообмана — на поиски истины. Только представь, что было бы, если бы вся наша цивилизация это сделала. Ну, вот и отличный сюжет для тебя.

— Но как мы можем испытывать что-то подобное сексуальной страсти по отношению к таким абстрактным понятиям, как истина?

— А что такое истина, по-твоему?

— Ну, это каждому известно. Истина — это когда мы говорим все, как оно есть. Это когда твои мысли совпадают с фактами, а твои высказывания — с человеческим опытом. Как может желание чего-то абстрактного соперничать с сексуальным желанием? Это смешно.

— Пожалуй. Но истина — более широкое понятие. Это не только правильное отношение между абстрактной мыслью и конкретной реальностью. Я полагаю, это и *личностные* взаимоотношения — фактически, *сексуальные* взаимоотношения между нами и реальностью.

— Сексуальные?

— Именно. Знать истину — это значит быть наполненным ею, оплодотворить ею свой разум, свою душу. Истина — это духовный возлюбленный, духовный муж.

— Никогда не думала об истине с такой точки зрения. Но в таком случае, что такое истина для мужчины? Гомосексуальные отношения?

— Нет, конечно, потому что в результате подобных отношений невозможно забеременеть. Это гетеросексуальные отношения и для мужчины тоже — для всех людей, потому что наш разум — женского пола. Разум каждого человека — это чрево.

— Так, значит, реальность — это мужчина, а наш разум — женщина. Он оплодотворяет нас, и мы вынашиваем концепцию, идею?

— Да. И это дитя похоже на обоих родителей. Наша идея или представление о яблоке походит на своего отца — реальное яблоко: красное, сочное, с кислинкой, — но эта идея также походит и на свою мать — разум, — потому что она, скорее, ментальная, чем физическая.

— Мне кажется, большинство людей представляют себе, что истина входит в их глаза, а не в их чрево. Мы изучаем мир с помощью органа, находящегося между наших ушей, а не между наших ног.

— Ты имеешь в виду мозг?

— И глаза. Главное — в том, что правда подобна свету, а не сексу.

— И ты думаешь, что по этой причине она менее страстна?

— Разумеется. Свет, он слабый, прохладный и абстрактный, по сравнению с сексом.

— Скажи это слепому.

— Ой...

— Или вспомни, как в детстве ты по-настоящему боялась темноты, и кто-то вдруг зажег свет.

— Но обычно мы не испытываем сексуальной страсти по отношению к *идеям*.

— Ты права. Но обычно мы не испытываем сексуальной страсти и по отношению к младенцам. Наша сексуальная страсть зиждется на красоте нашего партнера и на удовольствии от процесса. А вследствие этого рождаются дети. То же самое относится и к идеям.

— Хм. Никогда не осознавала, что существует так много туннелей, связывающих спальню с классной комнатой.

— И что означают эти туннели? Что огонь квазисексуальной страсти может быть направлен на истину; что свет истины может быть объектом страсти.

— Мама, позвольте мне быть честной с вами. Вы вызываете у меня чувство восхищения, но я скептически отношусь к вашим словам, когда думаю, что вы пытаетесь увлечь меня за собой. Если я ступлю сейчас на вашу лестницу, вероятно, вы захотите поднять меня до небес, но мне туда совершенно не хочется.

— Ты этого *не знаешь*. Ты этого лишь *опасаешься*. Ты хочешь позволить, чтобы тобой управлял страх?

— Я уже говорила вам, что скептически отношусь к религии. Я не нахожу все это захватывающим. Для вас, возможно, это так. Но я это не вы.

— Ты восхищалась, глядя на Дидди и Сквета несколько минут назад. В твоём сердце загорелась страсть. Ведь так?

— Так. И что с того?

— Если два танцора могут это сделать, то не думаешь ли ты, что Бог — настоящий живой Бог — смог бы сделать это еще лучше?

— Может быть. Я не знаю. Я не говорю, что разбираюсь в религии.

— Ну, хорошо. Начни с того, где ты сейчас находишься. Ты еще не знаешь, следует ли тебе быть скептиком или рационалистом, атеистом или верующим человеком, мусульманкой или христианкой, протестанткой или католичкой. Но одно ты знаешь точно: тебе следует быть женщиной, а не медузой.

И в этот момент морская волна вынесла на берег маленькую медузу, и та оказалась прямо на краешке их покрывала. Либби посмотрела на небо. «Это так пугающе!» — сказала она, смеясь.

— Но я признаю, Мама. Я признаю, что существует один шанс из тысячи, что эта медуза была знаком от Бога. Поэтому я думаю, мне следует воспользоваться этим шансом. Можем ли мы продолжить наш разговор завтра?

— Конечно, можем, девочка. В это же время, на этом же самом месте. Мои поздравления! Ты стала немного выше. Ты ступила на эту лестницу.